

ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ, РЕФЕРАТЫ

В.С. ВАХШТАЙН

КНИГА О «РЕАЛЬНОСТИ» СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ: И. Гофман. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта: Пер. с англ. / Под ред. Г.С. Батыгина и Л.А. Козловой; Вступ. ст. Г.С. Батыгина. М.: Институт социологии РАН, 2003.

Книга Ирвинга Гофмана «Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта» представляет ряд трудностей для рецензирования. Эта работа выбивается из всех канонов — она не характерна для американской социологии 1970-х (что позволило критикам поставить под сомнение принадлежность работ И. Гофмана корпусу социологических текстов), не характерна для символического интеракционизма, теоретиком которого Гофман долгое время считался, и более того — не характерна для самого Гофмана.

После выхода в свет в 1956 г. первого большого исследования «Представление себя другим в повседневной жизни» к И. Гофману пришла популярность, связанная, впрочем, не столько с содержанием и методологией предложенного им драматургического подхода, сколько со стилем его теоретизирования. Обманчивая легкость и изящество изложения, обилие заимствованных из художественной литературы примеров, зарисовки «с натуры» скрыли глубину гофмановских теоретических построений. Метафора театральной жизни, используемая применительно к социальной реальности, надолго заслонила от критиков тонкий анализ Гофмана-теоретика¹.

Вахштайн Виктор Семенович — аспирант Государственного университета Высшая школа экономики. **Телефон/факс:** (095) 394-90-77. **Электронная почта:** mss021001@msses.ru

¹ В 1972 г. в одном из обзоров «New York Times Book Review» Гофман был назван «самым видным из ныне живущих писателей», имеющим

«Представление себя другим» было переиздано уже через три года после первой публикации, но понято — значительно позже, после выхода «Анализа фреймов» (1974). Незамеченными остались изменения, внесенные автором во втором издании. Понимая, что театральная метафора подталкивает драматургическую концепцию к выводам, далеким от ее исходных теоретических интенций, Гофман отказывается от стилизации реальности «под театр». «Язык и маски сцены отбрасываются... — пишет он в 1959 г. — В конце концов, монтажные леса нужны, чтобы построить что-то другое, и воздвигаются они с последующим намерением снести их в свое время. Настоящее исследование на самом деле не интересовало элементы театра, которые проникают в повседневную жизнь. Его интерес был сосредоточен на структуре социальных контактов, непосредственных взаимодействий между людьми... Ключевой фактор в этой структуре — поддержание какого-то единого определения ситуации» [4, с. 302].

Понятие «определение ситуации» занимает центральное место в работах раннего Гофмана. Оно объединяет его с символическими интеракционистами, для которых незыблемым основанием теоретизирования является конструктивистская по своему духу «теорема Уильяма Томаса»: «Если ситуация определяется как реальная, то она реальна по своим последствиям». Хотя уже в «Представлении себя другим» можно почувствовать, что гофмановское «поддержание “определения ситуации”» отлично от интеракционистского «определения ситуации» — актеры не переопределяют смысл пьесы по ходу исполнения, они лишь совместными усилиями поддерживают его на публике, — тем не менее театральная метафора близка конструктивизму. От нее лишь один шаг до переоценки творческих способностей людей в конструировании социальной реальности (этот шаг, по мнению Гофмана, сделали этнометодологи). Чтобы удержаться от перехода на «радикальную субъективистскую точку зрения» [5] и в то же время сохранить микросоциологическую перспективу анализа, Гофман отказывается не только от метафоры театра, но и от идеи «определения ситуации». На ее место приходит идея «фрейма».

наибольшие основания называться «Кафкой нашего времени» [1, р. 135-143]. Рецензент из «The Sociological Quarterly» утверждал, что Гофман «просто сочиняет романы, в которых гротеск переводится на уровень китча» [2]. Клиффорд Гирц отнес теорию Гофмана к «мутным жанрам» общественной мысли [3, р. 23-24]. Многократно отмечаемый эксцентричный стиль повествования привел к росту популярности Гофмановского писателя, но поставил под сомнение научность его социальной драматургии. По сути, подозрения в «несоциологичности» с Гофмана были сняты только к моменту избрания его президентом Американской социологической ассоциации в 1981 г.

«Анализ фреймов» начинается с критики конструктивистских допущений. «Определение ситуации как реальной, — пишет Гофман, — несомненно, влечет за собой определенные последствия, но, как правило, они лишь косвенно влияют на последующий ход событий; иногда легкое замешательство нарушит привычный сценарий и едва ли будет замечено теми, кто неправильно распознал ситуацию. Весь мир — не театр, во всяком случае, театр — еще не весь мир» (с. 61). Такая постановка вопроса несовместима с постулатами символического интеракционизма, сформулированными Г. Блумером [6]. Ведь если «ситуации» существуют независимо от их «определений» взаимодействующими индивидами, то значение субъективного смысла в конструировании социального мира сильно преувеличено, и внимание исследователя должно быть перенесено на нередуцируемые структуры взаимодействия, на его контексты. «По всей вероятности, — продолжает Гофман, — факт определения ситуации можно обнаружить почти во всех случаях жизни, но создают это определение, как правило, не участники ситуации...» (с. 61). Перефразируя Дж. Г. Мида, можно сказать, что определения ситуации создаются взаимодействием, но не взаимодействующими.

Фреймы и есть нередуцируемые структуры взаимодействия. Изначально «фрейм» интерпретируется Гофманом отлично от привычного ему прагматистского термина «ситуация». «Фрейм, — пишет он еще в 1961 г., — это матрица возможных событий и совокупность ролей, делающих их возможными» [7, р. 26-27]. Теперь поток социального взаимодействия может быть проанализирован не просто как дискретный, состоящий из отдельных событий, сплетенный из «отрезков деятельности», но и «фреймированный», организованный в доступные изучению структуры. «Структура “фрейма” — в отличие от “ситуации” — устойчива и не подвержена влиянию повседневных событий. Она аналогична правилам синтаксиса» [8, р. 11-12]. Собственно, отсюда, еще до издания «Анализа фреймов», начинается принципиальное расхождение Гофмана с интеракционистской традицией.

Впрочем, у фрейма есть и другая характерная черта, связанная с эпистемической позицией И. Гофмана. Фрейм используется Гофманом и как синоним «ситуации», и как синоним «определения ситуации»; это одновременно и «матрица возможных событий», которую таковой делает «расстановка ролей», и «схема интерпретации», присутствующая в любом восприятии. Гофман находит следующий выход: «...мы принимаем соответствие или изоморфизм восприятия структуре воспринимаемого несмотря на то, что существует множество принципов организации реальности, которые могли бы отражаться, но не отражаются в восприятии. Поскольку в нашем обществе многие находят это утверждение полезным, к ним присоединяюсь и я» (с. 86). Этот хитроумный ход предпринимается Гофманом с

единственной целью — преодолеть «Декартову пропасть» между субъектом и объектом. Фрейм у Гофмана оказывается универсальной объяснительной категорией — он и «внутри» и «снаружи», и воспринимаемое и средство интерпретации воспринятого. Социальная жизнь и схемы ее распознавания индивидом структурно изоморфны.

Фреймы организованы в системы фреймов (*frameworks*). Среди систем фреймов «онтологическим приоритетом» обладают первичные, или базовые, системы, за которыми не скрывается никакая другая «настоящая» интерпретация (с. 81). Первичные системы фреймов подразделяются на природные и социальные. «Природные системы фреймов, — полагает Гофман, — определяют события как ненаправленные, бесцельные, неодоушевленные, неуправляемые — “чисто физические”... Здесь царят детерминизм и предопределенность... Социальные фреймы, напротив, обеспечивают фоновое понимание событий, в которых участвуют воля, целеполагание и разумность — живая деятельность, воплощением которой является человек» (с. 82). Тип используемого фрейма, его принадлежность системе социальных или природных схем интерпретации задают способ описания события. «Человек, проливший чай, поскользнувшись» и «человек, специально облившийся чаем соседа» — таковы могут быть способы интерпретации одного и того же события в двух разных системах первичных фреймов. При этом в наблюдении социальных событий всегда задействовано несколько фреймовых систем. Доминирующей считается та из них, которая обеспечивает наиболее релевантный ответ на вопрос «Что здесь происходит?»²

При всей их значимости первичные системы фреймов, составляющие фундамент мира повседневности, не находятся в центре внимания И. Гофмана. Его гораздо больше занимают возможности трансформации, преобразования «настоящей, живой деятельности» в нечто пародийное, поддельное, «ненастоящее». Гофман выделяет два типа трансформаций. Основной тип трансформации — *переключение* — представляет собой способ реинтерпретации некоторой деятельности, уже осмысленной в базовой системе фреймов («если нет исходной схемы, то нечего переключать»), ее перевод в другую систему координат (с. 104). Эта система координат, в сущности, образует некоторый мир вымысла. В качестве вымышленного мира может рассматриваться мир текста, мир сна, мир спектакля, мир спортивного

² За этим допущением так же явственно угадывается влияние Л. Витгенштейна, как за разделением «природных» и «социальных» систем фреймов просматривается гуссерлевское различие регионов «духа» и «неодоушевленного». Впрочем, на Гуссерля (воспринятого через призму социальной феноменологии А. Шютца) Гофман ссылается куда более охотно.

соревнования и т. д. В них «настоящая», разбитая на отрезки деятельность становится превращенной. «Ключами» подобной трансформации могут стать *выдумка* (имитация непревращенной деятельности в игровых целях), *соревнования* (в которых драка становится боксом, а погоня — бегом), *церемониалы* (символические преобразования повседневности), *техническая переналадка* (моделирование деятельности в учебных целях, демонстрация «работы» какого-то устройства потенциальному покупателю, воспроизведение фрагмента непревращенной деятельности в экспериментальных условиях), *пересадка* (трансформация мотивов привычной деятельности).

Одно из любопытных наблюдений Гофмана состоит в следующем: *наибольшим «потенциалом переключаемости» обладает деятельность, сама явившаяся результатом переключения* (с. 143). Например, церемония свадьбы представляет собой ритуал, в котором, как и во многих обрядах перехода, сконцентрирована метафорика изменения статуса вступающих в брак, отношений их родителей, их собственных отношений и т. д. Фразы, движения, перемещения в пространстве — все это подчинено некоторому сценарию и представляет собой превращенную деятельность, отображающую подлинную реальность. Однако включение церемонии свадьбы в театральную постановку добавит еще один слой (*lamination*) к уже свершившейся трансформации. Репетиция подобного спектакля усложнит структуру фрейма, добавив к нему слой технической переналадки — жених уже не просто старается максимально соответствовать образу «молодого» (первый слой) и делает это свое стремление явным для публики (второй слой); он к тому же периодически практикуется «для себя» (третий слой). Четвертый слой может добавиться, если на репетицию придет съемочная группа местного телеканала и «жениху» придется изображать то, как он готовится изображать жениха. Или, если актер, играющий жениха, поспорит со своими коллегами, что своей игрой заставит «невесту» поверить, будто действительно любит ее, обнажив за профессиональной актерской маской слой «истинных» чувств. Впрочем, в последнем случае к вполне невинному типу переключения — пересадке (актер делает то же, что всегда, но с другими целями) — добавится принципиально иной, отличный от переключения тип трансформации деятельности — *фабрикация*. Она предполагает, что один или несколько людей целенаправленно формируют у другого человека или группы ложное представление о происходящем (с. 145). Данный класс трансформаций объединяет розыгрыши, экспериментальную инсценировку (навязывание испытуемому ложного представления о целях эксперимента), учебный обман (взлом сейфа для тестирования системы безопасности), «патерналистские конструкции» (сокрытие информации во благо жертвы), проверки (введение

жертвы в заблуждение для оценки ее действий), а также многочисленные формы злонамеренного обмана.

Мы рассмотрели лишь часть используемого в теории фреймов категориального аппарата. Однако этого достаточно, чтобы понять, почему издание «Анализа фреймов» вызвало бурную реакцию академического сообщества и было расценено как «провокация дисциплины» [9]. Закономерно, что самые негативные отклики последовали со стороны символических интеракционистов.

Н. Дензин и Ч. Келлер подвергли гофмановскую работу уничтожительной критике. По их мнению, «театральная и метафорическая интерпретация Гофманом “фрейма” заводит его в несуществующий мир театра, где трансформации надстраиваются над трансформациями» [10, с. 72]. Вымышленные миры переключений и фабрикаций противопоставляются ими реальным и осязаемым мирам повседневного человеческого общения. Однако это далеко не основная их претензия. Гораздо серьезнее звучит обвинение в «структурализме», пренебрежении субъективным смыслом действий, классификаторской интенции. Гофман объявляется чуть ли не дезертиром, отказавшимся от исследований живой «коммуникации» в пользу мертвых «структур». «Если структуралистская интерпретация “Анализа фреймов” подтверждается (а мы полагаем, что это так), — пишут Дензин и Келлер, — тогда вклад Гофмана в интерпретативную социальную науку оказывается ограниченным. Его фреймы — замороженные формы. Его концепция реальности — обманчива и туманна. Постулированные им “трансформации” не имеют под собой никакой основы или причины. Его фреймы охватывают события на периферии социальной жизни. Мистификации, промахи, ложные шаги, порнография, благотворительность, репетиции, игры без игр, игры животных, телевизионная реклама, театральные сценарии, грандиозные обманы и Дон Кихот в кукольном представлении, безусловно, находятся на краю повседневной жизни большинства людей... Никакого взаимодействия в “Анализе фреймов” нет» [10, р. 74].

Любопытно, что критика Дензина и Келлера — единственная, на которую Гофман ответил. «Чтобы обосновать свою позицию, — пишет Гофман, — Дензин и Келлер приводят изложение “хорошего” (“интерпретативная социальная наука”) и “плохого” (“структурализм”) подходов... Они настаивают, что если написанное мной есть нечто структуралистское, а не символически-интеракционистское (эта перспектива им явно ближе), то мой “вклад в понимание взаимодействия, опыта и повседневной жизни” оказывается тривиальным, периферийным и чисто классификаторским. Тех хороших авторов, к которым я обращаюсь в “Анализе фреймов,” — Джемса, Шютца и Бейтсона — я не понимаю или не могу развить их идей (или то и другое), а мой подход есть “нечто противостоящее этим работам”» [11,

р. 79]. На последнем замечании стоит остановиться подробнее. Видимо, больше всего в рецензии Дензина и Келлера Гофмана задело следующее утверждение: «“Анализ фреймов” Ирвинга Гофмана, структуралистский по природе своей, вряд ли может быть синтезирован с интерпретативистской традицией в социальной психологии Джемса–Мида–Шютца–Бейтсона. Скорее, он противостоит ей» [10, р. 73]. Тем не менее Гофман, никогда не возражавший против структуралистских интерпретаций своих работ и даже ранние свои исследования интерпретировавший в ключе «структурной социальной психологии» [5, р. 217], настаивает на том, что лишь продолжает традицию Джемса и Шютца. На первый взгляд, здесь есть противоречия. Невозможно нападать на социологический конструктивизм и в то же время следовать А. Шютцу. Трудно отрицать значимость субъективного смысла, вкладываемого акторами в определение ситуации, и одновременно продолжать традицию У. Джемса и Дж. Г. Мида.

Но Гофман не видит противоречий. Он прочитывает Джемса и Шютца таким образом, что их интуиции социальной реальности приобретают вполне «структуралистский» характер: «Дензин и Келлер начинают с предположения, что “субъективный смысл, эмоциональное состояние, мотивы, интенциональность и наличные цели лежат в основании текущего социального взаимодействия”, — позиция, которую они выводят из работ Джемса, Шютца, Мида, Кули и Вебера. Дензин и Келлер стремятся сохранить эти классические источники “чистыми”, допуская только одну линию их осмысления — свою собственную. Как будто Мид никогда не предпринимал попыток структурного анализа стратегического взаимодействия, которые сейчас мы находим у Шеллинга³, а Шютц и Джемс, занимаясь конечными областями значений, никогда не принимали во внимание идентификацию, организацию и структуру этих миров...» [11, р. 80]. Этот структурный анализ не требует обращения к чувствам и мыслям взаимодействующих индивидов, но предполагает детальное рассмотрение форм организации того множества реальностей, о котором писали У. Джемс и А. Шютц.

Что именно заимствует Гофман из традиции Джемса и Мида в «Анализе фреймов»? Где находится точка соприкосновения его структуралистского анализа повседневности с «деятельностной» философией прагматизма? Общее у этих теорий — сама постановка вопроса о природе социальной реальности.

«Я не думаю, — пишет Гофман, — что Джемс указал на что-то ценное в отношении “высшей” реальности (какая бы система фреймов

³ Томас Шеллинг — коллега Гофмана по Гарвардскому университету. Книга, которую здесь имеет в виду Гофман, — «The strategy of conflict», исследование стратегического взаимодействия конфликтующих сторон.

при ее определении ни активизировалась), однако я полагаю, он был очень находчив во всем, что связано с фиктивными областями. Его различение типов “субуниверсумов” не столь полезно, но утверждение о том, что каждый из них имеет свой “особый и самостоятельный стиль существования”, представляет собой “согласованную систему” и каждый из этих миров “пока находится в центре внимания, по-своему реален”, плодотворно. Этими идеями я обязан Джемсу. Их я и попытался развить в “Анализе фреймов”» [11, р. 83]. Здесь-то и обнаруживается двойственность, нелинейность «Анализа фреймов». По справедливому замечанию Л. Хэзелригга, «в обычных физических границах “Анализа фреймов” на самом деле две книги. Одна состоит из двенадцати глав — от первой до последней — это условное ядро, в котором заключена основная работа: она привлекает наибольшее внимание интерпретаторов, включая Дензина и Келлера. Другая книга состоит из двух фрагментов, “ре-фреймирующих” основную часть, — это “Введение” и “Выводы”» [9, р. 174].

«Введение» и «Выводы» посвящены философскому осмыслению проблемы реальности, «хотя анализ социальной реальности не сулит ничего хорошего» (с. 62). Здесь Гофман выступает в нехарактерном для себя амплу «теоретика высоких истин». Не ответив на основной вопрос — насколько реально то, что кажется человеку реальным, — невозможно говорить о трансформациях, переключениях и фабрикациях повседневного опыта. Лишь в контексте обсуждения вопроса о реальности этот повседневный опыт приобретает онтологический статус. Собственно поэтому Гофман и обращается к теории У. Джемса, заменившего вопрос «Что есть реальность?» вопросом «При каких условиях мы считаем вещи реальными?» Розыгрыш, церемониал, выдумка, соревнования, тренировка перед выступлением — это не просто часть реальности, это миры, находящиеся в определенном отношении к миру непревращенных форм деятельности. Отсюда перенос внимания с самих форм опыта — рутинных или сфабрикованных — на отношения между ними.

Однако выводы из этих посылок несколько обескураживают. «Когда мы считаем что-либо нереальным, — заключает Гофман, — мы иногда не учитываем, что реальность не обязательно должна быть очень уже “реальной”; с таким же успехом она может быть как инсценировкой событий, так и самими этими событиями, а может быть репетицией репетиции или репродукцией оригинального изложения. Любое из изображений может быть в свою очередь создано путем копирования нечто такого, что само является макетом, и это наводит нас на мысль, что суверенным бытием обладает отношение, а отнюдь не субстанция. (Бесценная [авторская] акварель, хранимая по соображениям безопасности в папке с репродукциями, оказывается в данном контексте лишь репродукцией)» (с. 677).

Так есть ли разница между оригиналом и копией? Между подлинным миром повседневности и миром надстроенным, трансформированным, вымышленным? Ведь всякая трансформация не «нависает» над рутинной, а встроена в нее. Гофман признает, что, будучи встроенными в мир рутины, отрезки трансформированной деятельности пригнаны к нему не столь плотно, как «деятельность в буквальном смысле слова» (с. 677). «При доказательстве того, что повседневная деятельность снабжает нас своего рода оригиналом, с которым можно сопоставлять разного рода копии, — отмечает Гофман, — предполагалось, что исходная модель является чем-то подлинным, способным к фактическому существованию, и в своем бытовании она гораздо прочнее связана с окружающим миром, чем любое изображение» (с. 679). Оказалось же, что повседневная жизнь зачастую — многослойное отображение некоего образца или модели, «которые сами являются воплощением чего-то весьма неопределенного в своем бытийном статусе» (с. 679).

Получается, что между копией и оригиналом нет разницы. Но не потому, что копия — это тоже своего рода оригинал, а потому, что всякий оригинал — не более чем копия. Изображения являются такой же реальностью, как и сама реальность, лишь потому, что никакой другой социальной реальности, кроме изображаемой, нет. Теперь понятен сарказм Гофмана в отношении «высшей» (ragamount) реальности у Джемса. Ведь в теории фреймов «повседневность рассматривается не как обособленная сфера жизни, противостоящая другим сферам, а лишь как один из возможных миров» [6, с. 681].

Непроясненным остается вопрос о роли самого фрейм-анализа в познании такого рода отношений между не-буквально-реальными областями бытия (nonliteral realms) и миром повседневности. Но на этот счет у Гофмана также нет иллюзий. Ведь социальная жизнь закрепляет и формирует знания о себе, поддерживая каркас систем фреймов. А поскольку у Гофмана «научный» анализ фреймов сливается с «обыденным» их анализом в повседневной жизни, в этом качестве он представляет собой лишь еще одну полезную фантазию, стимулирующую дальнейшие изыскания в области микросоциологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Berman M.* Weird but brilliant light on the way we live now // Sage masters of modern social thought: Vol. 1 / Ed. by G.A. Fine, G. Smith. London: Sage Publications, 2000.
2. *Aronoff J.* "Relations in public: Microstudies of the public order" by Erving Goffman // The Sociological Quarterly. 1973. Vol. 14.
3. *Geertz C.* Local knowledge. New York: Basic Books, 1983.
4. *Гофман И.* Представление себя другим в повседневной жизни / Пер. с англ. и вступ. статья А.Д. Ковалева. М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2000.

5. *Verhoven J.C.* An interview with Erving Goffman, 1980 // Erving Goffman: Vol. 1 / Ed. by G.A. Fine, G. Smith. London: Sage Publications, 2000. P. 213-239.
6. *Blumer H.* Symbolic interactionism: Perspective and method. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall, 1969.
7. *Goffman E.* Encounters: Two studies in the sociology of interaction. London: Allen Lane, 1972.
8. *Goffman E.* Interaction ritual: Essays on face-to-face behavior. New York: Anchor, 1967.
9. *Hazelrigg L.* Reading Goffman's framing as a provocation of a discipline // Sage masters of modern social thought: Vol. III / Ed. by G.A. Fine, G. Smith. London: Sage Publications, 2000.
10. *Denzin N., Keller Ch.* Frame analysis reconsidered // Erving Goffman: Vol. 4 / Ed. by G.A. Fine, G. Smith. London: Sage Publications, 2000. P. 65-79.
11. *Goffman E.* A reply to Denzin and Keller // Erving Goffman: Vol. 4 / Ed. by G.A. Fine, G. Smith. London: Sage Publications, 2000. P. 79-91.